Я помню Пермь, куда Алла Шелест приехала. Я как раз поступила в училище. Блокада. Когда встал вопрос об эвакуации, – со школой или с училищем, – какой-то умный человек сказал моей маме: школ много, училище одно. И выбор был сделан, отправили меня в эвакуацию с училищем. Я помню тот момент, когда позднее приехала туда Алла, в голубом платье... Все вокруг тогда говорили: «Вот любимая ученица Агриппины Яковлевны». Детские воспоминания, какие они? Почему-то запомнилось голубое платье. А вот в учебных классах, даже не знаю, что сказать. Позже, на сцене, запомнилась, конечно, её Эгина, которую никто не повторил. Алла, это та индивидуальность, явление... Почему-то не принято говорить о явлении в искусстве... Не просто танцовщица, хорошая, лучше или хуже... Это было явление!

Она была **единственная** в своём роде. Достаточно сказать: Алла Шелест, и ты уже понимаешь, что она – действительно эпоха. Ужасно, что мы не можем точно объяснить это слово: «эпоха» в балете. С ней ушло поколение. Дальше могли быть одарённые, способные балерины, но вот в Алле Яковлевне, Аллочке Шелест, была какая-то невероятная внутренняя сила, с которой она вы-

ходила на сцену, такого больше ни у кого не было! Когда она выходила на сцену, все как-то подчинялись её внутреннему состоянию, её дарованию. Худенькая, небольшого роста, она охватывала сцену всеми своими руками, ногами, глазами, лицом... На сцене была только она одна. Зритель видел, безусловно, только её. Мало того, что зритель, но и сидящие вокруг актёры подчинялись её внутренней силе, её убеждённости. Однозначно могу сказать: такой нет, не было и больше не будет. У меня такое ощущение.

Обидно, что в данный момент у нас нет **личности** в балете. Аллочка для меня относится к той, прошлой эпохе. Вот Дудинская ...Дудинская, Дудинская, Дудинская! Замечательная, техничная балерина, но была и Шелест, о которой нужно было говорить на равных. Шелест, актёрское дарование, её величие было куда больше. Об этом тоже в то время никто не говорил. Я не понимаю, почему. Но, пока человек на сцене, пока он жив, не говорят о том, что он представляет собой в данное время, в данный момент. Представьте, что его не станет, и с ним уйдёт эпоха. Понимаете? Для меня это очень тяжёлый момент. Я не могу сказать, что по сравнению с Дудинской Шелест была более лирична, нет. Она была более драматична, более артистична. Это актёрский драматизм. Как будто у неё внутри было заложено то, что в жизни она не высказала. Вот она высказывает это на сцене, она хочет, чтобы её услышали, чтобы её поняли... Вот такое ощущение шло от неё, как актрисы. Для меня.

При том, что мы с ней танцевали одни и те же партии: «Шопениана», Аврора, фея Сирени, «Лебединое озеро», я никогда, никакого давления с её стороны не ощущала**! Никакого давления, никогда и никому** ...Она была настолько деликатным человеком! Может быть, потому, что понимала, что её дарование выше, чем наше. И, дай Бог, если она это понимала! Сверхделикатный человек, сверхделикатный! Я думаю, что это ей мешало. Она же воспитана в семье... Она из **хорошей** семьи. Мариетта Харлампьевна Франгопуло говорила о ней: «Ну, Алла, она же из **хорошей** семьи». И про меня: «Осипенко, она же из рода Боровиковских, она из **хорошей** семьи». Наверное, ученики не понимали, что значит: «из хорошей семьи».

А. Осипенко. Линия

Франгопуло знала, но не конкретизировала. Воспитывали меня бабушки, отца-то не было, он был арестован. Дядюшку расстреляли. Когда бабушка порой говорила: «Господи, опять эти аресты, расстрелы...», крёстная ей отвечала: «Лучше бы меня», а бабушка ей: «Маня, ну, кому ты нужна?».

Но возвращаюсь к Шелест. Аллочка ведь очень сложный человек. С ней трудно было выйти на какие-то доверительные отношения. Она была больше в себе, закрытый человек. А на сцене она выплёскивалась, очень... Вот в том-то и дело! Когда она выходила на сцену, – кто бы мог подумать: Алла Яковлевна, скромная, тихая – «извините», когда входит в зал... Кто бы мог подумать, что она станет такой Эгиной: яркой, торжествующей! Она была именно такой Эгиной! Никто не смог её повторить, она была одна такой Эгиной. Потом были, не знаю, другие... Но у них скорее танцы на площади. Аллочка была той Эгиной, которая допускалась в дворцовые покои. Вот какая была разница. В моей памяти это самый яркий спектакль с Шелест.

Понимаете, есть балерины, у которых образ Эгины может быть лучше, хуже, доходчивее, не доходчивее, но всё-таки играет линия: красивые руки, красивые ноги, красивое тело... У Аллочки не было таких красивых ног, но они были красноречивые в Эгине. И представьте себе человека, который полчаса смотрит на эти ноги, не отрываясь. Есть же разница. Видимо, это разные дарования: или природа тебя наградила чисто внешними данными, или природа тебя одарила внутренним талантом, который побеждает твои не совсем совершенные внешние данные. Наверное, так. Ну, как можно забыть Эгину-Шелест?! Как можно забыть! Не забудешь никогда! Кого бы тебе ни показывали сейчас, её не забыть никогда. Стоит перед глазами и всё! Как будто вчера было. Я пробовала танцевать Эгину. Репетировала. А потом однажды сидела после репетиции с дирижёром Фельдтом, и сказала ему: «Как выходить на сцену, если у тебя перед глазами Шелест, а ты пойдёшь, незнамо с чем, не зная зачем».

Вместе мы танцевали у Якобсона – «Триптих». Замечательный был «Триптих». Нинель Петрова – «Весна», я – «Поцелуй»,

Аллочка – «Вечный идол». «Вечный идол» с Игорем Чернышёвым! Этого же забыть невозможно! Такой дуэт! Вот даже в небольшом номере в «Триптихе» – был дуэт. Чернышёв и Шелест! С ума сойти! И там уже не думалось о том, красивые, некрасивые ноги, там был посыл дарования. Посыл дарования! Сейчас можно о ком-нибудь так сказать? Я ни о ком так не могу сказать.

А. Шелест в партии Ники

Алла Шелест никогда и никого не стремилась повторить. Она шла от себя самой, и поэтому её тоже нельзя было повторить. Что можно сказать? Талант, талант, ниспосланный Богом. А другой, хоть ты мучайся всю жизнь, всё равно не пройдёшь так, как это делала Шелест. Вот Дудинскую можно было повторить. Она как репетитор требовала: только как я, и никак иначе. Однажды она репетировала со мной выход Сари из балета «Тропою грома». В это время Сергеев проходил по хорам. Постоял, посмотрел, а потом говорит: «Наталья Михайловна, оставьте Аллу в покое. Пусть она выходит так, как она это чувствует и как она это понимает».

Сложные были тогда времена. Константин Михайлович не то, что недолюбливал Аллу Яковлевну, но приоритет отдавался Дудинской. Творческий контакт с Шелест у него был, когда она с Вечесловой танцевала «Золушку», двух сестёр. Больше не было. В Аллочке всегда превалировало: «Я – балерина». Вечеслова, когда репетировала с нами, уже не танцевала, поэтому с ней было проще.

Эгина в моём подсознании так всё перекрыла, так всё перекрыла, что сейчас мне даже трудно вспомнить, где ещё Алла Яковлевна могла меня так покорить. При мне она танцевала «Шопениану», Джульетту, Жизель, «Спящую» ...Я танцевала фею Сирени в старой редакции, полчаса с Сергеевым на лодке ехала... Как сказать, чтобы не показаться нескромной? Мне помогли данные мне природой линии, они мне помогли: худенькая, длинноногая, длиннорукая, у меня – были **линии,** линии, которые ложились на роли. У Аллочки были **другие линии**, там был внутренний посыл. А по образу... Аллочка всегда была сильнее, интереснее. От этого никуда не денешься. У меня не так моё дарование велико, сколько природные данные, которые – слава Богу! – я использовала. Это тоже не последнее дело. Вспоминая Хозяйку Медной горы, Алла Шелест говорила, что у меня линии были красивее, чем у

А. Шелест в партии Ники

неё. Природа даровала ей талант, а мне красивые линии. Я их использовала, Григорович использовал. Балетмейстеры, с которыми я работала, использовали мои внешние данные.

Мы обе учились у Агриппины Яковлевны Вагановой, были вхожи к ней в дом. Ваганова была **уникальным** педагогом. Иначе не скажешь. У неё к каждой балерине был свой подход. То, что делала Балабина, не могла делать Осипенко. То, что делает Дудинская, вообще никто не мог. Повторюсь: она видела каждую в своём свете. Гениальный педагог, где он? Нет больше такого ...

Потом выяснилось, что я у неё «блатная» ученица. Моя крёстная была известной портнихой в Петрограде, Ленинграде. Иногда она с чемоданчиком исчезала. Как выяснилось, к Вагановой. Но я никогда на себе не чувствовала, что у меня есть такой блат. Кроме одного случая, но о нём в другой раз.

Вагановскую школу никто превзойти не может. Это исключено. И даже не в порядке – раз, два, три, четыре, пять. Поставил пять или не поставил. Само существо её обучения, её стиль, её манера, как она спрашивала с ученика. Второго такого педагога нет. И, думаю, не будет долго. Здесь тоже нужно дарование, да ещё какое! Я вот, например, не берусь. Предпочитаю сидеть у себя дома, потому что не считаю себя тем педагогом, который мог бы научить, как Ваганова. Я могу показать, рассказать, но создавать балерин, как Ваганова, – такого нет. Понимаете, вот что интересно. Вагановой достаточно было сказать одно слово в твой адрес, порой обидное, но сразу всё вставала на своё место. Это тоже талант – талант танцовщицы и педагога. Сейчас трудно даже назвать педагога такого уровня, всё поверхностно, а надо же от сути идти. Я помню, она уже лежала. Я приходила к ней домой, и она, лёжа, со слов обучала. Но каждое её слово было доходчиво. Гениальный педагог, у неё видение было «сверху», что ещё можно сказать.

Часто спрашивают о методике репетиторства Аллы Шелест. В целом я практически ничего не могу сказать о методике, я – не методист. Она тоже могла, как Ваганова, сказать одно слово, у неё были какие-то свои слова, но не резкие, как у Агриппины Яковлевны. Скажет одно слово, и ты понимаешь, что она хочет.

Случилось так, что Алла Яковлевна, когда работала в Куйбышеве главным балетмейстером, пригласила меня на гастроли танцевать «Лебединое озеро». До сих пор не могу понять, почему она меня пригласила. Очень тяжело было, трудно психологически настроиться на то, что **сама Алла Шелест** с тобой будет репетировать! На первой встрече в зале мне Джона (Марковский, мой партнёр) было просто жалко. Джона, как партнёра, мне Бог послал. Не с каждым партнёром возникает такая внутренняя близость. Руку не каждого партнёра воспринимаешь, как просто руку, а чувствуешь – где-то обнял, где-то погладил, другие прикосновения... Слава Богу, что мне это было послано.

Так вот, я приехала и была там дней десять. Я с ней работала, репетировала, хорошо это помню. Я понимала, что она требует от тебя то, что надо требовать, то, что она видит, – и правильно видит. Хотелось её повторить, хотелось её «ухватить», но ты этого не могла, и на себя злилась, и на всю окружающую ситуацию злилась. Замечания её были простые, но исполнить их почему-то было трудно. Никто так не работал со мной, как она. Понимаете, с другими репетиторами мне было проще. Придёшь на репетицию – ля-ля-ля... Одна отдыхает после своей репетиции и сидит, положив ноги на стул. Другая во время репетиции пьёт чай из термоса, потому что дома не успела. И все они дают советы, делают замечания, доступные простому пониманию. А Шелест, бывало, в это время стоит в углу у палки и «разогревается» перед своей репетицией, иногда бросит на тебя взгляд. И ты уже их не слышишь: «Ой, а что сейчас Шелест о тебе думает?». Вот такой художественный авторитет. Вот почему было тяжело, но и очень интересно.

Ко мне на репетицию Аллочка приходила всегда готовая, репетировала на полной отдаче. И над всем, что она говорила, приходилось размышлять, чтобы уловить суть сказанного. Главным была требовательность, что ли, стремление вытащить из актёра – танцовщицы всё, на что та способна. Она очень хорошо видела «нутро» того человека, с которым работала. Что ещё о работе в Куйбышеве? Хорошо помню: «Лебединое» заканчивалось, последний акт, а мне хотелось танцевать ещё и ещё, и ещё ...

Насчёт музыки. Ты от музыки танцуй! Не знаю, как сейчас дело обстоит с музыкой, но наши репетиции никогда не проходи-

ли без дирижёра, всегда сидел Павел Эмильевич Фельдт, всегда сидел Юрий Всеволодович Гамалей. Дирижёр делал замечания на уровне балетмейстера. Если его не устраивало, – нет, извольте танцевать в том темпе, о котором сказал дирижёр и делать то, что задумал балетмейстер. В том варианте, который записан в нотах: «Осипенко всегда опаздывает», например, вот и пожалуйста. Значит, я уже не музыкальная. Относительно Шелест таких записей быть просто не могло. Нет! Нет! Ни за что! С точки зрения музыкальности у Аллы Яковлевны было в образе её видение, её отношение к тому, что она делает.

Сейчас пришло чувство удобства – как удобно, так и можно: мне удобно, и я буду так танцевать.

Алла Яковлевна была недосягаемой личностью. В ней была та высота, к которой нельзя было даже стремиться и думать, что ты её когда-нибудь достигнешь. Добраться до этих высот просто невозможно. Было имя – АЛЛА ШЕЛЕСТ – и этого достаточно. Мы были разные. Но дарование и талант Шелест – это было дарование и талант Шелест. И к нему не допрыгнуть! К нему не дойти. У меня воспоминания даже слёзы вызывают. Это было некое ОТКРОВЕНИЕ! Скажешь: Алла Шелест, и сразу представляешь интеллигентность на сцене, интеллект на сцене, а сейчас... Что я могу сказать?

Понимаете, что-то ушло. Были балерины, которых интересно смотреть на репетиции, как они работают. Я очень ощущала разницу поколений, не в возрастном смысле, а в уважении к старшим, пиетет перед ними. Были балерины, в которых ты верила. У меня с Аллочкой были замечательные отношения, у нас были какие-то уважительные отношения. Это сейчас: «ну, что там, старуха». Подходишь, хочешь что-то сказать, а она – стоит с таким видом: дескать говори, говори, я послушаю. Что-то такое пришло в искусство, чего раньше не было. Что сейчас происходит – не знаю, не знаю.

...Всё-таки в танцовщицах много спрятано внутри, много спрятано. Хочется выплеснуть, а ты стесняешься. Вероятно, я, например, многого в жизни не достигла от того, что стеснялась.

Я не любила себя на сцене, была зажатая, неуверенная в себе, и удивительно, что стала балериной и вошла в историю.

В Аллочке было стремление выйти на сцену и победить. Было в её характере. Она любила себя на сцене в хорошем понимании этого слова. Это очень важно.

Санкт-Петербург. Январь 2018 года